

Марк Марков – Расскажите, где вы жили до того, как вы сюда приехали.

Татьяна Пантелеева – Жила я в Тбилиси; там и родилась. Там прожила до 55 лет. Это Грузия. Я думаю, что всем известно, что это столица Грузии. [Я жила] в военном городке, потому что папа у меня был военный: таким образом он там оказался. Но он был русским, а бабушка у меня грузинка: получилась смешанная семья, грузино-русская. Но больше русская, конечно, потому что дедушка у меня был тоже русский офицер, который служил на Кавказе.

ММ – Дедушка по материнской [стороне]?

ТП – По материнской линии. Папа, он был у меня сирота в раннем возрасте. Их несколько детей было, и старшая сестра их всех воспитывала. А потом Революция, Гражданская война... Их всех раскидало, и он потерял всех и фактически был одинокий человек, без родственников. А это все у меня по маминой линии идет.

ММ – Чем вы занимались в Тбилиси?

ТП – Сначала училась, в детский сад ходила... [смеется] А потом поступила на работу. Я много по России (после окончания учебы направляли молодых специалистов)... Я работала по связи. Но это оказалось не мое, а потом я в Тбилиси осела, окончательно вернулась в Тбилиси, и работала там на заводе конструктором. Многому чему я научилась на заводе: очень я этому благодарна. 30 лет я проработала; работала бы и дальше, если бы не все вот эти перипетии политические: распад Союза, и так далее. И вынужденная иммиграция.

ММ – Расскажите о политических перипетиях.

ТП – В Грузии это происходило очень сложно, потому что там есть писатель [Константин] Гамсахурдия, был, вернее. Это классик грузинской литературы, но он был очень националистичный человек и воспитал своего сына [Звиада] в таком же духе. И вот, этот [Звиад] Гамсахурдия, он поднял этот национальный вопрос в Грузии: что Грузии это для грузин. И вообще уже многие были Советской властью и давлением России на Грузию... Для не грузино-язычных период был довольно-таки тяжелый, потому что лозунги были «Грузия для грузин», марши организовывались... Было очень много неприятного, но, тем не менее, сами люди, вот сами люди... [смеется] те же самые: они по-другому выглядели, когда ходили на свою демонстрацию и кричали Сакартвело! Сакартвело! Какой-то уже фанатизм в них проявлялся, и совершенно, абсолютно другие эти люди были, когда они возвращались, и вместе мы работали, и точно также нас не грузин – я, не смотря на то, что бабушка у меня грузинка была, но она замуж вышла за русского офицера и в очень юном возрасте и все время проводила всю жизнь в русской среде – практически в семье русского языка не знали. И так как мама вышла замуж тоже за русского офицера, в военных русских городках жили – превалировала везде русская речь. Грузинский – минимум, минимум знала и считалась для всех я русской. И слушать, что вот эти русские пришли, сели на шею, ножки свесили, дышат нашим воздухом: это все было очень тягостно. И тут же выручали, помогали. Тяжелое время было: продуктов не хватало, хлеба не хватало, всего не хватало, все это пропало. Эти же самые грузины выручали и поддерживали – если бы не соседи, не знаю, как бы мы выживали. Там очень

сильно развита помошь, просто чисто человеческая между собой. Я Грузии, грузинам очень за это благодарна. Среди них прожила всю жизнь и проработала 30 лет – кроме хорошего я сказать ничего не могу. А когда национальный вопрос поднимается, вы знаете, уже в таком порядке национальном чисто, то тут между любыми нациями ничего хорошего не происходит.

В связи с этим очень многие стали уезжать – хоть Гамсахурдия потом выгнали, и все, но все пошло по-другому, и они между собой начали воевать и центр города разбомбили: жить стало чисто материально тяжело, невыносимо. Так получилось, дети мои разъехались, и я осталась одна в Грузии – в Тбилиси. Так как Грузия отделилась, и с Россией еще тем более отношение всем известные (недружеские стали), то помогать из России мне мои дети не могли (у меня два сына). Я осталась в очень тяжелой ситуации.

А иммигрировала сюда по причине той, что мой младший сын женился на еврейской девочке. А еврейский вопрос это тоже, углубляясь не буду – он всем известен. И их близкие родственники выехали в Америку гораздо раньше, еще в первый поток иммиграции (я не имею ввиду революционный поток, а уже в наше время). Так как в России тоже была не лучше обстановка, ну и отношения тоже – там свой русский поднялся национальный вопрос для нас для всех неприятный (хоть мы русскими считаемся [смеется], мы не сторонники), то сделали моей невестке [приглашение] – бабушка сделала нам вызов, и мы, с младшим сыном, с его семьей, с внуками моими, и меня тоже из Грузии вытащили, и мы приехали сюда в Америку.

ММ – Как жилось в Америке первое время?

ТП – Первое время очень тяжело было. Почему? Потому что так получилось, что нам продавать нечего было. Из Грузии я выехала с двумя сумками только. В то время даже... — Благодаря помощи этих же самих грузин, моих знакомых хороших, которые достали мне билет на самолет – это было в то время практически невозможно; топлива не хватало, самолетов летало мало. Соответственно нужно было не знаю каким образом достать туда самолет; мне очень помогли.

ММ – Это в каком году было?

ТП – Это было в 1994-ом году. И вот мы выбрались сюда и сюда приехали. У нас не было ни капиталов никаких, ни денег. Вещи, которые нам советовали с собой захватить [смеется], они оказались здесь не пригодные совершенно: другой образ жизни, другое все, даже одеваются здесь по-другому. И поэтому первое время и сын и невестка (невестка которая мне – я не могу ее невесткой называть: она мне дочка [смеется]) – бегали на подработки и на учебу (улучшать свой английский и профессию) – как-то приспосабливаться. А на мне оставались дети; я была их тылом. Я смотрела за детьми, отводила их в школу – здесь одних нельзя отпускать было такого возраста (девочке было девять лет, а мальчику пять с половиной). Все это ложилось на меня и, конечно, домашнее хозяйство. И я тоже записалась – пока дети были в школе, я пошла в Туло Колледж хоть немного бытовому английскому подучиться, хотя времени на это было мало. Но полностью язык я, конечно, не освоила – сходить в магазин и пообщаться.

ММ – Чем вы сейчас занимаетесь?

ТП – Сейчас? Мне уже 76 лет и здоровье уже не то (я давно на SSI) – занимаюсь своим гнездом и помогаю по мере возможности внукам. Теперь у меня еще и правнучек есть. Когда необходимость возникает, то я, как Чип и Дейл, спешу на помощь [смеется]. А дома я не скучаю, потому что я люблю что-то делать в доме: всегда и шью, и вяжу, и по дому что нужно сделать (дверцы, полочки). Все это я делаю сама, и мне это доставляет удовольствие. Потом, я очень горжусь результатом своей работы. А кроме того, я снимаю квартирку вместе с бекъядром, в котором была только трава, дикая, неухоженная [была] и лендлорд мне сказал: «пожалуйста, делай, что хочешь, там на этом бекъядре. Что хочешь сажай, только чтобы в чистоте было». И я, не имея никогда никого отношения ни к садоводству, ни к земле (потому что жила и росла в Тбилиси – то есть на асфальте), занялась еще садоводством и довольно-таки очень приятный садик развела. Всем нравится, когда я его показываю, и все любят прийти и посидеть у меня: мои друзья, мои члены семьи. Вот таким образом я и провожу время.

ММ – Что вам показалось самым неожиданным когда вы переехали в Америку?

ТП – Так сложилась ситуация, что мы приехали сразу не в Нью-Йорк, а в Нью-Джерси: в тихое провинциальное место, где в основном «прайвет ерия», свои домики, и все. Мы там у родственников прожили дней двадцать, ничего не делая в ожидании, когда заработают документы и мы смогли бы переоформиться на НАЯНу – переехать в Нью-Йорк, потому что в Нью-Йорке для новых иммигрантов гораздо больше возможностей адаптироваться, найти какие-то курсы (языковые, профессиональные), найти работу и все остальное. За эти двадцать дней, которые мы жили в том месте нас, тоже очень много чего удивило – все было для нас странным: начиная с таких мелочей. Мы прилетели днем, а родственники наши с работы часов в восемь. Пока туда-сюда, «здравствуй!», «как?», «что?» уже был десятый час, и они вдруг сказали: «все, мы сейчас поедим в магазин надо отовариться на неделю», а мы на часы смотрим: «А что, уже закрыто?» «Круглосуточно». [смеется] Это нас тоже очень удивило. Мы ожидали, что все кинутся за сумками [смеется] и всякой тарой, а поехали наши родственники (нас оставили) с пустыми руками. Где-то через час, меньше они возвращаются и вызывают нас помогать разгружать.

ММ – Да.

ТП – Всем разложено по пакетикам. Для нас это было очень странно, потому что когда мы уезжали, [за] каждый пакетик надо было платить, естественно – экономили в России — бывшем Советском Союзе (то в России, в Грузии или какая-то там другая страна). Экономили буквально на всем – эти целлофановые пакетики мы мыли, сушили и [смеется] пользовались многократно, пока они не порвутся. А тут, пожалуйста, тебе прямо в магазине наложили и вручили. И они говорят: «Да, на некогда, мы рабочие люди. Нам по магазинам мотаться некогда». Так как у нас было – с работы идем на базар, идем в гастроном, стоим в очередях (что-то добыть, что-то достать). А тут они приехали; на неделю загрузились. Это нас, конечно, восхитило. Дальше, мы

днем были предоставлены сами себе, все эти дни, когда документы подали и оставалось нам только ждать. Мы прогуливались по окрестностям. Там тротуаров нет – только проезжая дорога и сразу начинались частные [владения]. Мы идем по дороге (пустынная чистая дорога). Нас было двое детей и двое нас взрослых. Мы идем, обсуждаем, рассуждаем и вдруг случайно обвернулись, а за нами плетется, как мы плелись [смеется], плетется целая вереница машин. [смеется]

ММ – Да? [смеется]

ТП – Мы закрыли дорогу, и они терпеливо, ждут когда мы с этой дороги уйдем. Никто не ругается, извините, не матюгается на нас [смеется]. Мы, конечно, прижались к краю и пропустили эти машины. Это был для нас тоже один из шоков – поведение людей. В наших условиях, конечно, мы были бы награждены красивыми эпитетами. [смеется] Ну, а потом, когда мы уже перебрались в Нью-Йорк, очень было приятно (этого мы не знали) в НАЯНе... Мы приехали как настоящие беженцы – без денег, нам нечего было продавать, никаких капиталов вывозить в полном смысле слова. Мы приехали с несколькими сумками, с таким бараклом, которое оказалось здесь как раз неприемлемо. И насколько нам помогали люди, давали подходящую одежду. И знакомые [помогали], родственники у нас остались в Нью-Джерси, а в Нью-Йорке у нас никого не было. Но, люди друг другу говорили, что есть такие, которые нуждаются. Это наша иммиграция помогала, в этом плане. А в остальном, нам в эту квартиру, которую мы нашли, сняли, НАЯНа [дала] самую необходимую мебель. Пусть это было не новое, не с магазина, но очень приличное, и мы были нескованно благодарны всему этому. Потом с годами, когда дети встали на ноги, конечно, все мы обновили по своему вкусу – но в то время, это был нам подарок просто: цены не было этим подаркам. Тому, что давали *фудстемпы*, очень были благодарны, потому что это, конечно, большая была помощь для нашего старта, проживания. Ну, когда уже начали понемногу сами зарабатывать, первый наш вылаз был в Музей естественной истории. Было поразительно то, что мы увидели. Во-первых, как... — ну это немножечко у раньше. Мы увидели, как автобусы, где все предусмотрено для инвалидов – как их погружают, как их пристегивают: мы поняли, что здесь для инвалидов никаких ограничений нет. Потом мы увидели, что это и в театрах (все предусмотрено), мы увидели их в музеях, как инвалиды пользуются абсолютно всеми благами, которыми пользуются здравомыслящие обеспеченные люди. Мы были очень тронуты, до слез тронуты, потому что невольно мы представляли сразу параллель с нашими людьми, с нашими близкими, которые там остались – которые становясь немощными, они практически оставались в запертом пространстве своей квартиры. Это очень произвело большое впечатление. А отрицательное, конечно, впечатление это нас поразил *сабвей* – метро. После того подземного транспорта, который в Москве, в Тбилиси, в Ленинграде, в Киеве – во всех таких городах, где было проведено [метро] – этот Нью-Йоркский *сабвей* произвел на нас очень удручающее впечатление. [смеется] Но скидка на то, что зато охват колossalный – охват народа, который может передвигаться, и такой мегаполис. Конечно, еще учитывая древность... — хотя в Лондоне,

между прочим, еще более древняя, самая первая подземка, а тем не менее, в каком она состоянии чудесном. Ну такое впечатление было не очень! [смеется] Ну, уже привыкли, и рады. Не нравится то, что не регулярно работает: то часто приходит, то долго ждать. Казалось бы, в таком месте, как подземка, где должен как часы [ходить транспорт], чтобы никаких аварий не было, ничего. Бесконечные эти задержки, бесконечные ремонты, участки многие обветшалые.

ММ – Вы сказали, что вы жили в Тбилиси, и там было много разных национальностей. Но вы приехали в Нью-Йорк – здесь, конечно, тоже много [национальностей] но другой расклад.

ТП – Расклад совершенно другой, конечно, другое скопление разных национальностей – более еще расширено, чем в Тбилиси. Хотя в Тбилиси уйма разных национальностей было, но столько национальностей и рас... То, что мы увидели в Америке, конечно, гораздо более обширно. Что нас тоже приятно поразило, приятно удивило, это то, что на улице, в быту, все (на первый взгляд это малообразованные люди), а, тем не менее, все настолько вежливые, настолько доброжелательные: когда какие-то столкновения бывали невольные на улице – в толкучке, когда садишься в загруженный транспорт, и уходишь и невольно кого-то заденешь, кому-то наступишь на ногу, и этот пострадавший поворачивается и говорит: «I am sorry», [смеется] вместо того, чтоб тебя обругать и сказать: «Куда смотришь! Глаза открай шире! Куда прешь?» и тебя отталкивают и расталкивают, лишь бы первому влезть. После этого, то, что мы увидели, нас это тоже очень приятно поразило. Отсутствие толкотни в очередях там, где очередь... — Все равно настолько цивилизованно, люди спокойно стоят, не давят друг на друга: все идет очень культурно.

ММ – Даже в Нью-Йорке?

ТП – Даже в Нью-Йорке. Ну, я не беру те моменты, когда что-то дают: когда черная пятница, когда скидки колосальные, и люди спешат. Устраивают и давку и конкурентам своим чуть ли в глаза брызгают, чтобы захватить что-то. Ну, тут проскальзывают человеческая натура – чисто такая звериная: видимо, все произошли. [смеется] Все в своем роде звери, только с разумом. Это экстремальные ситуации. А так, я честно скажу, если я нарывалась какую-то грубость, это только от своих соотечественников.

ММ – Вы сказали, извините, что в Грузии очень развито помогать близким соседям и так далее.

ТП – Да, очень. Здесь между прочем люди как-то живут более обособленно. Между прочем, с нечто подобным я столкнулась в Москве. Там более замкнуты люди, в своих квартирах живут. Я, когда была в гостях у родственников в Москве, мы сидим, и с их подъезда (сидели на скамейке) выносят хоронить человека. Я спросила: «а кто это тут у вас умер?» А мне [сказали]: «Не знаем. Это то ли на девятом, то ли на восьмом этаже старик жил». Никто ничего не сумел вразумительного сказать – те, которые рядом сидели у со мной на скамейке около этого подъезда. В Грузии это совершенно не так: если только что-то случилось, весь подъезд, и не только подъезд и соседние подъезды, они сразу деньги собирают и помогают. А, не дай бог,

человек умер, организуют поминки. Национальна принятая эта процедура, и все соседи будут стоять у плиты, и накрывать столы, и оберегать пострадавшую семью, которая находится в горе, и помогать. Потом и приберут, и уберут. Вот этим я восхищаюсь. Каждая нация, каждая страна, каждая раса, она имеет свои традиции. Тот народ к своим привык, а мы, когда попадаем чужую среду, мы невольно начинаем взвешивать – а что лучше, а что хуже сравнивать. Но всегда что-то находится лучшее там и что-то лучшее здесь; что-то худшее там, что-то худшее здесь. Что поделаешь? А, тем не менее, мне приходилось общаться и подрабатывать в свое время и у наших людей, и у американцев, я бы предпочитала, конечно, у чисто американских людей работать. Я имею ввиду не всех, абсолютно не всех. Но я сталкивалась с очень неприятными моментами – то, что американцы никогда себе не позволяют. Тем не менее, среди наших у нас очень много друзей, которые в первую очередь нашлись в первые дни нашей иммиграции, которые также бултыкались, как не умеющий плавать, которого бросили в воду и спасайся как можешь. [смеется] Вот эти общие бултыхания в социальных организациях, которые старались нам помочь, находились единомышленники и знакомились – друзья они остаются друзьями и по сей день. Ну и новых тоже приобрели, [и] приобрела я лично: познакомилась с семьями, которых я очень уважаю, люблю. С моей стороны, если вдруг что-то, моя помощь нужна будет, я со всей душой помогу им, потому что я чувствую то же взаимно.

ММ – У вас есть на что-то ностальгия?

ТП – Ностальгия есть, конечно, по своему родному городу: мне так хочется пройти по своей улице. Но я знаю, что я уже никого не увижу, потому что многие раньше меня уже эмигрировали, когда национальный вопрос вспыхнул в Грузии и когда стали между собой [воевать] — это противостояние: власть с оппозицией и так далее – не к чему хорошему не приводило. Тяжелые времена, когда хлеб давали по карточкам и даже по этим карточкам его не возможно было купить; об остальных продуктах даже и не говорю. Многие уже уехали гораздо раньше меня, некоторые позже меня, а те, которые остались моего возраста, они все уже поумирали. Если бы я там осталась в тот период, который затянулся и продолжался после моего отъезда, я сама знаю, что я бы не выжила. Те условия, которые я имела, потому что папа был военным (мы жили, я же говорила, в военном городке)... Когда были военные, они за всем следили, за постройками и все, а когда все уехали, и дома... крыши стали протекать – никому это не надо; а дом стал соответственно оседать – никому это не надо. У меня тек потолок в шести местах. Чудом штукатурка не грохнула мне на голову, обмокшая, обвалившаяся. Средств чинить абсолютно у меня не было. Квартиру я свою продала – за эти деньги я сумела переехать из Тбилиси в Москву. [смеется] Вот и все деньги, какие я выручила, а с Москвы вообще ни с какими; уже их не было у меня. И теперь когда люди, чудесные люди, купили за вот этот бесценок квартиру, потому что она в жутком состоянии была, и кроме того (я говорила прошлый раз), уезжающих и продающих было много, и поэтому цена на жилье очень пала. А уж в мою квартиру с протекавшей крышей, с облупленными стенами, и подавно. Купили [квартиру] скромные люди,

потому что продавалась за скромные деньги, грузины. Я им очень благодарна, и я с ними связь поддерживаю. Хотя, по сути я с ними только познакомилась, потому что они купили мою квартиру. Они [недавно] мне предоставили съемку моей улицы, моего дома – лучше бы я этого не видела, потому что все на столько в упадок приходит. Даже центр, который (города Тбилиси) сделали красавцем – говорят бесподобный город (он и так был красивый и своеобразный, а сейчас вообще) – но это уже не мое, это не то. И создают город не только улицы, а люди. А тех людей, с которыми я жила – их там нет. Все рассеялось, как дым, как какой-то классик говорил: какой дым? В стихах есть. ММ – Не помню.

ТП – Замахнулась на высокую поэзию – неудачно. [смеется] Так что ностальгия есть, конечно, по тем воспоминанием. Тогда была еще молодость, а сюда я приехала в таком возрасте, когда я приехала стареть. Конечно, ностальгия она очень сложная. В любом случае, возвращаться я не хочу никуда. Мне Америка дала, хотя я для нее, лично я – дети мои для нее вкалывают, работают, платят налоги и все – лично я, ничего Америке не дала. Она мне дала то, чего я не видела никогда. Там где я проработала сорок лет (у меня трудового стажа), я оказалась никому не нужной.